

Тадеуш Ружевич
В КЕРОСИНОВОМ СВЕТЕ

Несколько месяцев назад ушел из жизни Тадеуш Ружевич. Через своего секретаря и издателя он просил передать, чтобы мы никогда не ставили поэзию на первое место: «Живите, любите друг друга, а потом уже поэзия».

Ружевич — польский поэтический Чехов: простые вещи, простые слова, нарочито экономный синтаксис, который, как лесной партизан, расставляет западни на пути переводчика. Как партизан — потому что воевал в лесных подразделениях Армии Крайовой во время немецкой оккупации. Потом немецкий язык и немецкая поэзия вошли в его тексты огромными цитатами, целыми строфами без перевода.

Во Вроцлаве, где он жил, и во всей Польше — весна, вот-вот зацветут каштаны и сирень, девушки ходят по городу в легких платьях, старый поэт смотрит на них из окна кафе, чертит на салфетках невидимые сердечки и стихи. Эротические, конечно. На лавочках обнимаются студенты, некоторые даже лежат на газонах и тоже обнимаются. Все, как Ружевич прописал.

ИЗ БИОГРАФИИ

год рождения
место рождения
Радомско 1921

так
на одном листке
из школьной тетради сына
вся моя биография
осталось немного места
несколько белых пятен

только два предложения вычеркнул
но одно дописал

со временем
добавится пара слов

о главных событиях
датах моей жизни
у меня не спрашивай
спроси у других

моя биография заканчивалась
уже несколько раз
с переменным успехом

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вдруг распахнется окно
мать меня позовет
пора возвращаться

сквозь отверстую стену
в небо войду в грязных ботинках

сяду за стол и нехотя
буду отвечать на вопросы

со мной все в порядке оставьте меня
в покое. Сжав голову между ладоней
буду сидеть и сидеть. Как же я им
расскажу об этом долгом
и путаном пути.

Здесь в небе матери вяжут
зеленые шарфы на спицах

мухи жужжат

отец прикорнул у печки
после шести дней работы.

Нет — не могу же я им

[НО]

сказать что люди друг другу
перегрызают горло.

СЛОВА

слова отработаны
пережеваны словно жвачка
молодые красивые губы
превратили их в белый
шарик пузырь

ослабленные политиками
они служат для отбеливания
зубов
для полоскания полости
рта

когда я был ребенком
слово можно было
прикладывать к ранам
его можно было дарить
любимым

сейчас обессиленные
завернутые в газету
слова еще отравляют смердят
еще ранят

таящиеся в головах
таящиеся в сердцах
таящиеся под платьями
молодых женщин
таящиеся в священных книгах
они взрываются
убивают

В КЕРОСИНОВОМ СВЕТЕ

в керосиновом свете
мир смотрелся иначе

лица мертвых живых
и спящих
лица отстраненные

молодые головы друг к другу
склоненные

в керосиновом свете
человек был как дома
сильнее в радости
глубже в печали
подвижные тени
отдалялись росли возвращались
слова были тише
теплее
дом покачивался
отплывал с гробом и колыбелью

в керосиновом свете
бесконечность была конечна
время можно было потрогать
пространство замыкалось
в четырех стенах
достаточно было закрыть глаза
чтобы оказаться

в четвертом измерении
открыть дверь
и оказаться
на пути в Эммаус
встретить живого Иисуса
который еще неузнанный
ел печеную рыбу
хлеб медовые соты

жизнь проживаем
идя встречая

в свете керосиновых ламп
когда заводили часы

на стене появились знаки
рисованные стихи Бруно
«Мене-Текел-Фарес»

об этих лампах
почти все знал
поэт из Дрогобыча
«почти»
потому что всего
не знает никто
ни о своем рождении
ни о смерти

когда я думаю о нем
и его книге
то вижу его
в керосиновом свете
с растущей тенью
простреленной головы
на стене

ПОЕТА EMERITUS

Чеславу Милошу

садится на скамейку
снимает очки
закрывает глаза

протирает очки
разворачивает газету смотрит на мир
складывает газету встает

теряет равновесие
опирается на трость
читает надписи
на спинке скамейки

идет говорит сам с собой
беседует с мертвыми
поэтами

к нему подходят
две женщины
спрашивают читает ли он библию
верит ли в ад
конец света и рай на земле

он улыбается качает головой
на старости лет предпочитая
разговаривать с теми
кто молчит

отходит
садится на скамейку
смотрит на облака

тогда к нему подлетает
ворон
проводит черным пером
по устам
смыкает их
и улетает

ЕЩЕ ОДИН ДЕНЬ

день слепой
вставал
без рассвета света
я теперь встаю
вместе с ним
в пять в шесть

день вставал
отряхивался за окном
черный воду стряхивал
с веток перьев
я вставал
с этим днем незрячим
под вороньим небом
кто-то умерший
запутался в моих
мыслях пальцах пишущих
я говорил без слов
с ним ему
вставал какой-то день
сейчас одни субботы
дважды на неделе
вчера был вторник или пятница
сегодня воскресенье
стихотворение
опять я написал

вчера прочел
мой стих который вы написали
перед смертью
я так обрадовался что мы пишем
похожие стихи
что я пишу похожие стихи
на разные стихи
других поэтов
сбывается мечта
всей моей жизни
антология польской поэзии
где ни имен ни дат
творенья неизвестных
как прекрасно
нет премий
за писание стихов

*Предисловие и перевод с польского
Анастасии ВЕКШИНОЙ*